

В.ТРЕДИАКОВСКИЙ

*Сидит Наталья, к углу прижнута,
Молчит, каналья, бив пальцем
ткнула.*

*А с ней Ирина, Миколы дочка.
Глядит невинно. На этом точка.
Прискорбно, что обе оне — о,
Не отбыли в Царское село.*

А.С.ПУШКИН

*Мы помним чудное мгновенье:
Явились перед нами вы,
Как мимолетное виденье
И с содержанием головы.
Давно уж миновалась младость,
И хмель огненная сладость,
И мы лежим на канале,
Чертя «И-Ка», и «Эн.И.Пе»*

М.Ю.ЛЕРМОНТОВ

*На чахлах просторах российской
земли*

*Две юные девы уныло росли.
Росли и не знали, что рядышком тут
Два парня духовно совсем не растут.
Наталья одна, а другая Ирэн,
Смеялись они на подобье сирен,
Но смехом своим заглушить не могли
Советские песни земли!..*

Н.А.НЕКРАСОВ

*В какой семье — загадывай,
В каком году — рассчитывай,
Задумавшись девушки
Сидели вечерком.
Одна звалась Натальюшка,
Другая — свет Иринушка,
Писали охрой-суриком,
Искались в головах...*

А.А.БЛОК

*Пленяя линиями странными,
Качая пышные бока,
Вы шли за нами ресторанами
И ели птицу табака.
На вас глядели из-за столиков,
И в этом был какой-то рок...
А над собранием алкоголиков
Бессмысленно кривился Шток.*

С.А.ЕСЕНИН

*Над рекой, как сука, месяц кичет,
Заглядевшись по-коровьи в пруд.
Почему тебя Натальей кличут,
А ее Ириною зовут?
Облако смиренно оveckой
Знай жует притихшее гумно.
Если б не ласкали вас уздечкой,
Вы бы нас любили все равно.*

В.В.МАЯКОВСКИЙ

*Вам, блюющим в вечности блюдо,
Думающим: нажраться где бы,
Кричим мы: Наташа! Ирина! Люда!
Кончайте бессмысленные непотребы!
Смыкайтесь с могучей поступью
масс!*

*Труда громаду ворочая!
А то возьмем и отправим на Марс.
Или дальше куда...
В многоточие!..*

Б.Л.ПАСТЕРНАК

*Уже дрожала киноварь заката,
В опале пыли пели купола,
И тонкую тянула ноту Ната,
И тень тенет над городом плыла.
Трамвай звенел подобно окарине,
И, как бидон, гудели бигуди,
Как шах-ин-шах Ирана, об Ирине
Я думал у Эпохи на груди.*

А.А.АХМАТОВА

*Пришли. Улыбнулись. Сказали:
— Уйдите, ненужные, прочь!
Опять в Царскосельском Курзале
Царит Детскосельская ночь.
Ночные, печальные птицы,
Беспечные дочери тьмы, —
Бессонно листаем страницы:
Наталья, Ирина и мы...*

И.Л.СЕЛЬВИНСКИЙ

*Ехали Наталья —
У них пропали тальи.*

НИКИТА
БОГОСЛОВСКИЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАДАВА

ВЛАДИМИР
ЛИФШИЦ

Как-то, лет тридцать тому назад, мы с моим другом, покойным ныне поэтом Владимиром Лифшицем, решили на досуге сыграть в такую вот литературную игру: написать ряд пародий на произведения русских поэтов и прозаиков XIX—XX веков, но с обязательным условием, — чтобы в каждой из них фигурировали имена наших жен, Натальи и Ирины. Разбирая свой архив, я обнаружил этот наш совместный труд, который и предлагаю вниманию читателей.

*Эх, пропали тальи
(эс) на пути.
Ехали Ирины —
В станицы на смотрины,
Подушки да перины,
От двух до пяти!
Впереди Володи
Гарцуют на походе,
Екает печенкой
Конь Кабыздох.
Позади — Никиты —
Нестрижены, небриты,
Струпьями покрыты,
Меж титек мох!*

А.Т.ТВАРДОВСКИЙ

*Дело было на привале,
Под березкой, над ручьем.
Мы сидели толковали
Кто про что и кто о чем.
Нет иных уже в помине, —
Что поделаешь — война...
Говорили об Ирине,
По-простому, вперевой.
А потом поели каши
И пошли в смертельный бой.*

А.А.ПРОКОФЬЕВ

*Ой, вы, звонкие тефтели,
Золотые берега!
Две девчонки, обе в теле,
Кажна сердцу дорога!
Натка, Ирка, о, вы, дроли,
Жаль вас в детстве не пороли!*

Л.И.ОШАНИН

*Мы все за мир!
Войны мы не желаем!
Мы все за мир!*

*Мира мы желаем!
Кафр и зулус,
Негр и индус,
Малаец и тунгус,
Ирина и Наталья,
Все в бой за мир,
Ирина и Наталья!* } 2 раза

Е.А.ЕВТУШЕНКО

*Помню, в детстве на полустанке
Подошел я к девчонке Таньке.
Задыхала девчонка часто,
Не люблю я тебя — и basta!
Тонконогая, в синем платьице...
А теперь за ее наряды
По три тыщи, бывает, платится.
ПосOLIDней бы стать пора бы!
Есть другая. Она Ирина.
Загорела под солнцем Крыма.
И подруга ее — Наташа
Непомерную тащит ношу.
Но не буду я подлецом
Ни под Ельней, ни под Ельцом!*

КАРАМЗИН

О, любезный читатель мой! Сколь прелестны для чувствительного сердца твоего будут сии строки, повестующие о незатейливой любви двух юных и робких душ — Натальи и Ирины. Влачась неприсохливо и медлительно по бесконечному морю житейскому, девы сии в поисках пристанища, забрели на некий остров, обильный плодами щедрой природы. О! — воскликнула чувствительная Ирина, припадая к бурно вздымающейся пышной груди нежной Натальи. О! — сколь сладостно провести здесь остаток дней нашей быстротекущей жизни. И впрямь! — отвечала та, зардевшись. Милыя, милыя девы!

Как сладостен, радостен и тих легковейный путь ваш. Живите, милыя!..

ПУШКИН

В один из ненастных осенних вечеров поручик Н., рассеянно понтируя, поведal нам правдивую историю своей горестной жизни.

— Происхожу я из небогатого, но славного дворянского рода, честно служившего своим государям на протяжении всей истории государства Российского. Прадед мой — Павел Соломонович — был послом при Английском дворе во время шумного царствования Карла Третьего. Беспечный характер и легкомысленное отношение к государственной казне привели его на плаху, что, однако, не помешало ему оставаться любимцем петербургских лейб-гвардейцев. Батюшка мой — Павел Елисеич — был нрава смиренного и, за всю свою жизнь ни разу не покинув нашего родового поместья Черемушки, находился под каблучком моей матушки, урожденной Бородиной-Безбородко, от коей, вскоре после меня, народилась две дочери — Ирина и Наталья... — И, горестно вздохнув, поручик Н. передернул и помешал кочергой в камине. Я встал и вышел в сени.

ГОГОЛЬ

Знаете ли вы, дорогой читатель, Вторую Аэропортовскую? Нет, дорогой читатель, вы не знаете Третьей Мещанской! Невольню, но плавно мчится по ней «Москвич», изредка обгоняемый красавицей «Волгой». С дремотным шелестом пронесется «Чайка» — и все стихнет. Ни шороха, ни дуновения, ни

выхлопа... Но чу!.. И чья это смутная тень скользит по мокрым доскам на панели, пугливо прижимаясь к стенам и запахивая своей порыженный редингот? Кто это боязливо заглядывает в подворотни, словно пытается скрыть от людей свой усталый, потемневший лик? Ба!.. Да это Наталья, свояченица нашего уездного фельдшера Пересыпкина-Недомойло, приехавшая в столицу искать управы на кровного врага своего Лившица-Задунайского, обидевшего бедную сироту приемыша Ирину?.. И снова — ни шелеста, ни ропота, ни вздоха. И только желтая луна, как бы отчаянно произнося что-либо полезное для отечества, потихоньку роняет немощный свет свой на крыши и трубы петербургских домов — сирых пристанищ сонных обывателей. Скучно жить на этом свете, товарищи!..

ДОСТОЕВСКИЙ

— Последнее ты мое прибежище! Душа моя! Жизнь моя! — воскликнула Ирина, ломая руки и, упав в колени Наталье, глухо зарыдала.

— Господи, доколе! Доколе эти мученья? За что наказал, Господи! — закричала Наталья, и люди, услышав в открытые ставни подвала эти вопли, часто задышали, закрестились и испуганно пошли прочь...

— «Чет или нечет?» — думал Павел Петрович, по привычке перебирая янтарные четки. «Чет — Наталья, нечет — Ирина»... Господи, поразившийся с ним, криво улыбнулся и, шаркая ногами в глубоких кожаных калошах, свернул на Сенную. Павел Петрович продолжал бресть, думая о своем, о нужном только ему, да разве маленькую собачонку Кутьке, что смотрела на него с пятого этажа старого облупившегося дома на Екатерининском канале, принадлежавшего почетному гражданину купцу первой гильдии Пырьеву.

Л.Н.ТОЛСТОЙ

Накурившись, Ирина лежала на тахте, и ей казалось, что лежит она не на тахте, а в дальнем по-весеннему зеленоющем поле, по которому недавно, примыная трану, прошел табун соседских жеребцов, лениво отмахивающихся хвостами от назойливых темно-зеленых мух и крупных черно-желтых шмелей, которые настойчиво жужжа, облепляли их блестящие от пота глянцевитые крупы и впалые бока, на которых подсыхали бурными отметинами язы прежних укусов, которые так любила лечить Наташа, приходя в своей белой наковке и кокетливом кружевном фартуке на остро пахнущую свежим навозом конюшню, которую князь Андрей приказал переделать из коровника, и которому казалось, что Ирина, чьей руки он так долго и тщетно домогался, лежит в эту минуту на тахте, и ей кажется, что она лежит не на тахте, а в дальнем по-весеннему зеленоющем поле.

АНТОША ЧЕХОНТЕ

Коллежский ассессор Петр Иванович Попрыгунчиков, купив четверть фунта изюма и жбан москворецкого кваса, на цыпочках пробирался через спальню, боясь разбудить свою грозную супругу Наталью. Накануне их горничная Ириша без определенности обещала ему, что буде он придет из присутствия с изюмом — то не будет оставлен без внимания, которого Петр Иванович уже давно добивался. Вот почему, придерживая помочи и стараясь не дышать, Петр Иванович, держа в руках штилеты, по-воровски пробирался через священную супружескую обитель... Таким манером достигши кухни и испуганно прислушиваясь к раскатиному храпу жены, Петр Иванович робко отогнул краешек пикейного одеяла и, упав на колени, страстно прильнул к манищим устам. «М-м-м, симпомпончик, мордохлюстик мой!..» — жарко промычал он и вдруг почувствовал между губами жесткий, круто нафарбренный солдатский ус... вахмистра Ерофеева, унтера Михалковской пожарной команды, уже не первую ночь проводившего в нежных объятиях любвеобильной Ириши. Дверь распахнулась. В капоте и набрюшнике, как разгневанная Горгона, появилась разбуженная жена. Изюм рассыпался. Квас пролился. Картина...